

Бог хочет во всех нас
явити Сына Своего.

Гал. 1,16

православная газета для молодёжи

№ 1 (40)
январь 2008

ВЕРА МОЛОДЫХ

Издаётся по благословию митрополита Калужского и Боровского Климента

«ВЕРАМОЛОДЫХ» –
газета для всех.
Мы не преследуем цели
обращения
неверующих или
наставления
заблудших. Мы хотим
поговорить о том, что
никогда не потеряет
своей ценности:
о добре и зле, о жизни
и смерти, о любви,
дружбе и одиночестве.
И о многом другом.
Делитесь с нами своими
идеями
и предложениями, ведь
«Вера молодых» – это
разговор о том, что
тревожит и волнует
вас.

Патриарх Алексий II: ✓
«Где нет любви –
там нет счастья».
стр. 2

Вслед за святым ✓
семейством.
Что такое
«сикомора»? стр.2

Вопрос номера: ✓
Кем бы я хотел быть
рядом с новорождённым
Христом? стр. 3

Александр Ткаченко: ✓
«Я вышел из
электрички
верующим». стр. 4

Дари обиды ✓
мистера Вига.
Православие
в Дании. стр. 6

Удивительные ✓
встречи
Александра
Дворкина. стр. 7

Знакомые ✓
незнакомцы.
Взгляд Андрея
Фандеева. стр. 8

Диакон Андрей
КУРАЕВ:

«С РОЖДЕСТВОМ ВАС,
ЛЮДИ!»

Человек тем отличается от животного, что животное
просто живёт, а человеку нужен повод к жизни. Как
нужны поводы к тому, чтобы задействовать какую-то
группу мышц, так нужны поводы душе, чтобы
оживить себя, проявить... (Читай стр. 2)

ВСЕМ! ВСЕМ! ВСЕМ!

ГДЕ НЕТ ЛЮБВИ — ТАМ НЕТ СЧАСТЬЯ

Дорогие и возлюбленные о Господе верные чада нашей Святой Православной Церкви!

Ныне мы вступаем к древними мудрецами приходим, ведомые Вифлеемской звездой, к яслям Божественного Младенца — Господа нашего Иисуса Христа. Мы вспоминаем, как волхвы «возрадовались радостью весьма великою, и, войдя в дом, увидели Младенца с Мариею, Матерью Его, и, пав, поклонились Ему; и, открыв сокровища свои, принесли Ему дары: золото, ладан и смирну» (Мф. 2, 10-11). Вступая в праздник Рождества Христова, и мы должны спросить себя: а что мы принесём к яслям, принявшим ныне Невместимого Бога?

Ему не нужны ни наша гордость, ни наша слава, ни наши материальные достижения. Прахом предстанут в Его очах суетные помыслы, житейские тревожения, попытки людей превознестись друг над другом.

Пусть же главным нашим даром Рождешему от Девы Спасителю мира станет крепкая и искренняя вера — вера, пример которой дала нам Пречистая Дева Мария, сказавшая возвращшемуся Ей благою вестью Архангелу: «Се, Раба Господня, да будет Мне по слову твоему» (Лк. 1, 38). Многие сегодня привыкли считать, что их свободный и независимый разум один только и может принести счастье, правильно выстроить жизненности и общества. Но Церковь за века своей жизни много размышляла, как возгораздиться и удалиться от Бога: люди в итоге оказывались несчастными и жалкими. И наоборот, пример Пресвятой Богородицы говорит нам, какой высоты может достичь человек, с верой прелавший себя в волю Божию. «Дева Мария, — пишет преподобный Ефрем Сирий, — есть Дщерь Света, потому что через Нее озарились Светом и мир, и обитатели его». Будем и мы с верою нести миру Свет, Который есть Христос Господь!

Другим нашим даром, принесённым к Вифлеемским яслям, да станет любовь — горячая и действенная любовь друг к другу и ко всем окружающим нас людям. Воспринимем как руководство на каждый день нашей жизни слова Христовы: «По тому узнаете все, что вы Моученики, если будете иметь любовь между собою» (Ин. 13, 35). Будем творить любовь и милосердие ради тех, кому сегодня тяжело и одиноко, кто страдает, унижает и огорчается — а такие люди всегда есть рядом с нами.

Всё общество, особенно молодёжь, должно заново открыть для себя простую и вечную истину: там, где нет любви, взаимной ответственности, готовности всю жизнь принести в дар тем, кого любишь, — там нет ни счастья, ни полноты бытия.

Из рождественского послания патриарха Московского и всея Руси АЛЕКСИЯ II.

ХРИСТОС ПРИШЁЛ К ВАМ!

«...И последняя просьба, с которою Отойду я в селенье святые: Дай скончаться под той сикоморою, Где с Христом отдыхала Мария».

Николай ГУМИЛЁВ.

Нам обещано многое. Вечная жизнь. Радость общения с Богом. Бесконечность любви. «Иди за Мною!» — говорит Христос. — Побождающему дам сесть на престоле Моём, как и Я победил и сел со Отцом Моим на престоле Его» (Откр. 3, 21). Право, есть, ради чего стараться. Но вот чего Господь не обещал никому — так это счастья и блаженства здесь, в земной жизни. Награда ждёт нас только за гранью этого мира, не раньше. А тут... — гонения, страдания, скорби и смерть. То, что пришлось испытать самому Христу с самого первого дня Его земной жизни.

Великая радость Рождества. «Христос рождается, славите, Христос с небес, сришите...» Но мало кто вспоминает в эти праздничные дни о том, что произошло сразу после них, тогда, две тысячи лет назад.

А была — резня в Вифлееме. Царь Ирод, натравленный рождением Того, Кто, как он думал, отнимет его трон, приказал перебить тысячи младенцев — ради смерти Одного. И Святая Семья — Дева Мария, праведный Иосиф и Младенец Иисус — вынуждена бежать как можно дальше от слуг злодея. В Египет.

Они уходили всё дальше и дальше, вверж по течению великого Нила. Слути иудей-

«С РОЖДЕСТВОМ ВАС, ЛЮДИ!»

Диакон Андрей КУРАЕВ:

Человек тем отличается от животного, что животное просто живёт, а человеку нужен повод к жизни. Как нужны поводы к тому, чтобы задействовать какую-то группу мышц, так нужны поводы душе, чтобы оживить себя, проявить.

Душа — это то, что болит у человека, когда всё тело здорово. Не сердечная мышца болит, не левый желудочек, а душа. Болит — и своей болью доказывает, что она есть.

Пока у человека не заболела почка — он и не знает, где она у него находится. Пока у человека не заболела душа — он и не подозревает о её существовании.

Пока, не напрягаясь, живёшь в полисии и пльвьшь по течению, как все, не замечаешь ни силы течения, ни своей души.

Но однажды сердце оживит мысль: зачем я тут? Что такое человек? Что такое моя жизнь? Просто тире между двумя датами на могильном памятнике? А человек — просто покойник в отпуске? Меня не было целую вечность и потом не будет тоже вечность. И вот из этой тьмы меня отпустили на побывку. В этом ли смысл моей жизни? Это ли «всё, что останется после меня?»

И тогда понимаешь: моя биография не сводится к истории моего тела, то есть, в конце концов, к истории моей болезни — от первого зуба до последнего инфаркта.

И тогда понимаешь, что самое главное знакомство, которое может произойти в твоей жизни, — это не знакомство со знаменитостью, а знакомство со своей душой: ты, оказывается, есть. Ты, моя душа,

и ты, моё тело, — не одно и то же. И у тебя, моя душа, есть свои поводы к радости и свои поводы к боли.

Русский рок в своих лучших песнях — это болевые уколы в совесть. Это борьба за право думать, за право быть одиноким, за право выпадать из толпы и из поспы.

Когда всё вокруг тонет в беспроблемном оптимизме, когда официальная пропаганда обещает построить коммунизм или хотя бы догнать Португалию по числу кондиционеров на душу населения — русский рок встряхнёт и говорит: «А ты знаешь, Небо становится ближе».

Это и есть Рождество: Небо соединилось с землёй, с тобой. Христос мог хоть 1000 раз родиться в Вифлееме, но нет тебе в том никакой пользы, если Он хотя бы раз не родился в твоей душе.

Рождество — это ответ на вопрос Данте: «Я поднял глаза к Небу. Чтобы увидеть — видят ли меня». Это главный вопрос в жизни человека: нужен ли я, любим ли я или я просто космическая плесень.

Рождество — это первый шаг к главной тайне христианства: все религии мира говорят о том, какие жертвы люди должны приносить своим богам, и только Евангелие говорит о том, какую жертву Бог принёс людям.

Христос пришёл к вам! С Рождеством вас, люди!

Выступление на концерте «Рок к небу».

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ

Деревья живут гораздо дольше людей. Эта знаменитая сикомора до сих пор стоит на египетской земле. Правда, теперь она ограждена специальным заборчиком, за ней тщательно ухаживают, к ней приходит множество паломников. Это дерево помнит самого Христа и Его Пречистую Мать — оно делилось с Ними своей сенью в один из труднейших моментов жизни Святого Семейства.

ВЗЛЕД ЗА СВЯТЫМ СЕМЕЙСТВОМ

скаго правителя могли разскинывать их — приходилось скрываться.

Всюду, где проходили Они, в языческих капницах разваливались на куски идола, переставала действовать чёрная магия египетских жрецов. И потому — негде даже надолго остановиться, преклонить голову: каким жрецам понравится, что какие-то нищие бродяги — старик и девушка с ребёнком на руках — пришли да и повручили им все источники дохода? В одном из селений местные жители отказали Странникам даже в куске хлеба. С тех пор, вот уже две тысячи лет, в этой местности никто не смог выпечь хорошего хлеба. Не получалось...

Два с половиной года бесперывных скитаний по негостеприимной земле, по реке, по пустыне. Рождённый в пещере, ночующий в пещерах, раскиданных по египетской пустыне, Царь Мира скитается, не имея места, где преклонить голову. Вечный сюжет для иконописцев, да и для светских художников христианской Европы — старец Иосиф, ведущий под узды осла, на котором сидит Богоматерь с Младенцем. Картин, написанных на эту тему, не сосчитать. Наверное, наши предки, в отличие от нас, отгадали себе полный отчёт в том, почему эта часть евангельской истории так важна для

христианина. Это ведь модель земной судьбы всякого истинного почитателя. Да, каждый из нас должен повторить этот подвиг Девы Марии. Постоянные скитания и гонения, для того чтобы спасти, укрыть Христа. Ведь Он — всегда с нами. Богородица носила Его на руках, мы — в душе, но разве от этого что-то в принципе меняется? А иролов вокруг хватает всегда.

Семнадцать веков стоит на берегу Нила храм, вокруг которого построен греческий монастырь — во имя Великомученика Георгия. За его алтарём открывается спуск в пещеру. На табличке возле входа надписи: «В этом месте в древние времена была скромная обитель, в которой Младенец Иисус Христос жил со Своей Матерью, скрываясь от Ирода». Сюда приходят христиане со всего света — набрать воды из колодца, из которого когда-то пил Бог, Который, как известно, порогаем не бывает.

Где теперь Ирод, где языческие маги и жрецы?.. Когда-нибудь и наши скитания пойдут к концу, как однажды завершились они для Святого Семейства. И мы тоже вернёмся Домой. «...И отрёк Бог всякую славу с очей их, и смерти не будет уже; ни плача, ни боли уже не будет; ибо прежнее прошло...» (Откр. 21, 4).

Павел ЛЕВЧУКИН.

№ 1 'январь' 2008

«Странное Рождество видяше, устранимся мира, ум на небеса приноши; сею бо ради высший Бог на землю сииде, да нас к высоте привлечет» (Из акафиста Богородице)

Вопрос, выбранный нами для этого номера, — провокация. Мы заведомо знали, что ни один из наших респондентов серьёзно никогда не задавался вопросом: «Но всё-таки решились реализовать нашу затею, посчитав, что задуманная нами виртуальная проекция позволяет необычного ракурса взглянуть на себя, а не совместно в мире различные отношения с Богом».

КЕМ БЫ РЯДОМ С НОВОРОЖДЁННЫМ ХРИСТОМ?

Управляющий делами Московской Патриархии, митрополит Калужский и Боровский КЛИМЕНТ.

— Каждый день бывают такие ситуации, когда Христос оказывается рядом с нами, а мы не замечаем Его, не находим Ему места в своей жизни. Мы суетимся, перескакаем в своей жизнедеятельности со множеством разных людей, но не видим тех, которые нуждаются в нашей любви, в нашей заботе, в нашей теплоте, подобно тому, как весь мир не заметил родившегося Христа.

Я могу привести в пример один рассказ из жизни преподобного Псыя, которому Христос явился многократно в течение жизни. Он рассказал об этих видениях своим ученикам, и ученики попросили: «Авва, покажи и нам Христа, когда он к тебе придёт». Преподобный стал молиться, чтобы Господь откликнулся на эту просьбу его учеников. Господь открыл преподобному, что ученики его должны пойти на гору, а через некоторое время за ними и сам Псой: «Там Я и явлюсь». Когда ученики узнали об этом, они поспешили к указанному времени на эту гору и по пути встретили калекку, который спросил: «Куда идёте, братья?» Те ответили: «Мы идём на гору увидеть Христа: он обещал нам там явиться». Калекка попросил их взять его с собой. Те ответили: «Мы горючимся, а ты — калека. С тобой мы только задержимся и не успеем». И быстро пошли дальше. А следом шёл преподобный Псой. Калекка обратился к нему: «Старец, ты куда идёшь?» Тот ответил: «Иду на гору, там Христос обещал явиться» — «Возьми меня с собой». Преподобный стал рассуждать: «Ты старый, ты калека, и я старый, мне хочется увидеть Христа, и ты хочешь увидеть... ну что делать? Лезь ко мне на плечи — я тебя понесу. Не успеем, так не успеем, а успеем, так оба увидим». И вот когда приближались они к горе, ученики увидели: идёт их учитель, а на плече его сидит Христос. Когда же преподобный приблизился к ученикам, Христос исчез. Ученики спросили его: «Авва, а где ж ты встретил Христа? Мы так хотели тоже побывать рядом с ним, чтобы прикоснуться к нему». Преподобный ответил: «Христа надо искать не где-то далеко на горе, а в ближнем». Христос и нам является каждый день как рождённый, как человек, страдающий в нас, за наши грехи, как омывающий наши грехи, но не всегда мы его замечаем. Вот и ответ на ваш вопрос: если мы будем видеть ближнего, брата своего, будем совершать дела любви, а не искать Христа

где-то там, далеко, — то будем видеть Христа. Мы должны стремиться, чтобы благодатная Видяемская пещера, в которой был рождён Бог, была всегда в нашем сердце. Тогда действительно будем рядом с Христом.

Протоиерей Александр КАДИН, ключарь Свято-Троицкого кафедрального собора.

— Если говорить серьёзно, то, во-первых: я привык понимать праздники церковные не как воспоминания того, что произошло две тысячи лет назад, а как то, что актуализуется в вечности сегодня, здесь и сейчас. Вечность — не уничтожение времени, а его абсолютная собранность, цельность, восстановление. Вечная жизнь — это не то, что начинается после временной жизни, но вечное присутствие всего в целостности. Во-вторых, пришествие в мир Бога в образе младенца не только самоуничтожение, но и самое «адекватное» Богоявление. Именно поэтому в Нем так очевидна и божественна нежность, сила, слава, прав, самоуверенность, авторитет, власти, всего того, что нужно только там, где нет истины. Поэтому я думаю, что каждый должен предстать Рождеству в том звании и виде, в котором он сегодня призван. Важен не вид, а то, с чем и как ты предстоишь Христу сегодня.

Диакон Сергей КОМАРОВ, руководитель информационно-издательского центра Калужской епархии.

— В своей жизни, пожалуй, никогда я не хотел бы быть кем-нибудь другим, кроме как собой. Поэтому мне несколько трудно ответить на поставленный вопрос. Но если речь идёт о том, хотел бы я сам присутствовать там, как пастухи, волхвы, — то есть поклониться Новорождённому Спасителю? Наверное, да. Но с другой стороны, я привык поклоняться Богу в своей жизни, в своём времени, так что для меня каждый день в этом смысле — Рождество. Многие современные христиане, возможно, по своей скромности или в силу каких-то комплексов, стесняются того, что они призваны и должны стать святыми. «Ты хочешь стать святым?» — спро-

силь кого-то. — «Нет, да вы что! Я же грешный». «Хочешь наследовать Царство Небесное?» — «Да куда мне недостойному...» Так же и здесь. Хочешь оказаться рядом со Христом? Ответ в том же духе. Наши грехи становятся сознательным поводом не стремиться ко Христу, не уподобиться Ему, не желать встретиться с Ним. Это не значит, что каждый должен представлять свою жизнь образом для будущего жития. Нет. Речь совсем о другом. «Я хочу быть святым. Я желаю встретиться со Христом, но я грешен, Господи, помоги мне достичь того, к чему Ты меня призвал, ради чего Ты родился, жил, страдал». Мы сами не хотим приобщиться к Богу, стесняемся быть рядом с Ним. А может быть этого просто не понимаем?

Андрей ФАНДЕЕВ, художник, г. Людиново.

— В трагедной, в час, когда там собираются все сотрудники храма (и всевозможные прихрамовые бездельники типа меня), прямо за столом я задал этот же вопрос окружающим и попросил ответить, не раздумывая. Такой реакции я не ожидал услышать. Лилия Ивановна поэтично процедила: «Ангелом». Алла Георгиевна твёрдо ответила: «Пастухом». Инна Сергеевна сказала: «Младенцем Христом». Самые старые женщины и многодетные мамы промолчали, но когда поварила Елена попросте своей сказала — «Матерью», старушки и многодетные тут же признались, что подумали так же, но не осмелились озвучить. Самая юная вообще ни звука не вымолвила. Подвило слово

КСТАТИ

ближкого мне человека, тот сказал: «Прахом», — а после некоторых раздумий: «Одним из тех младенцев, убиенных царём Иродом». И никто не захотел назваться «волхвом».

Оставив суд над гордыми и смиренными, оставив сопереживающих наклонения и безоговорочно приняв условия игры, я стал размышлять. Матерью? Той, которой «оружие пройдет душу, да откроются помышления многих сердец», той, которая будет страдать, увидев на Кресте распятого Бога и Сына, — нет, ни за что! Спасителем? — странно и тяжело. Пастухом? Слепому — повольрём? Нет, невозможно. Прахом или соломою? Но ведь они безличностны, они не могут понять и оценить происходящее. А без свидетельства — нет смысла! Волшебником, звездочётом? — непонятно как-то. Они пришли Христу поклониться, но ведь язычниками были. Ясно, почему никто не захотел назваться волхвом. И стало понятно, почему умная и деловитая назвалась пастухом, а вихоревенная мечтательница — Ангелом. И даже проматывавшая девочку своим безумием ответила, мол: «Я не играю в такие игры». Да это ж настоящий тест для определения религиозного исконника! Очень интересно! А как бы ответил наш настоятель? У него я не спрашивал.

Теперь всё-таки признаюсь и я. Ещё в момент, когда звучал вопрос, даже когда ещё не были приняты правила игры, в моей голове мелькнуло: «Овёдой». Да, безответственной ошой в тёплом вертеле у Источника света.

Елена РАЗУМОВСКАЯ, директор Воскресной школы Покровского храма, г. Калуга.

— Если такой вопрос задать пятилетнему ребёнку, мы, наверное, услышим: «Ну конечно же, осликом Мне бы только посмотреть на Христа! Невниманию дитя больше ничего и не надо, на нём исполнилось пророчество: чистые сердцем Бога узрят».

Сейчас мне, как взрослому человеку, хочется, чтобы Господь моего всезнающего волхва обратил в пастуха. Очень не хватает той самой простоты, нищеты духа, искренней детской веры, которые позволили пастухам узнать Сына Божия в Младенце, завернутом в простые пелёнки и лежащем в кормушке для скота. Именно на пастухах исполнились полновластные союзины Неба и земли, когда свирепые пастухов слились с пением бесчисленного воинства небесного: «Ангели с пастырями славословят». В праздничном песнопении подробно перечисляется, какая пать какие дары принёс Богородице: «Ангели — пение, небеса — звезду, земля — вертеп, пустыня — ясли, волхвы — дары, пастыри — чудо». Дар пастухов — вера в Спасителя — называется чудом. Пусть это чудо веры свершится с каждой душой.

Моги преподобного Псыя Египетского находятся в основном им в IV веке монастырем в Нитрийской пустыне. Его тело сохранилось полностью нетленным, таким же, каким оно было при жизни. Моги преподобного традиционно обернуты в красный бархат и покрыты полиэтилениевой плёнкой, натёртой благовонными маслами.

СОВРЕМНИК

БЕЗУМНАЯ КОНТОРА
 «Тя «разговариваем» — это сказано слишком сильно. Я, конечно, больше слушаю. Слушаю, а про себя стараюсь разрешить один, главный для меня вопрос: как Александру удастся, не имея никакого духовного образования, писать глубокие и интересные богословские работы? Написать правильно и скудно сможет и академик, а ты попробуй так, как это сделал Ткаченко!

Вот, например, откуда та тонкая проницательность, истинное вдохновение, что ощущаются в его статье о сущности Таинства брака, которая была напечатана в октябрьском номере «Фомы» за 2006 год?
 Откуда? Да стоит только оглянуться вокруг. Жена Нина, с которой Александр прожил вместе уже больше пятидесяти лет, варит на плите картошку — для меня, гости, и для хозяйки дома. Младшая дочка-переводчица крутится вокруг нас. Трое старших мальчишек — в своей комнате, сами уши, чтобы не мешать нам. Рыжий котёнок неуклюже карабкается по... моей куртке! Брысь. Ну ладно, он ещё маленький. Другой котёнок, большой уже, в годлах, с неизобретением косятся на него...

Тепло, уютно. «Домишко — полная чашка», — так сам Александр написал в одном из своих стихотворений. Оно называется «Счастье». Спрашивается, где взять вдохновение? Никакая академия этому не научит. К тому же, если послушать Александра, так и академики будут развее...

— Честно говоря, учиться я и вовсе не хотел. Мне просто нужно была бесплатная койка в Калуге. Мы с друзьями тогда создавали свой рок-н-ролльный проект, и мне необходимо было остаться в городе после того, как меня отчислили из музыкального училища. Я поступил в калужский «Кулёк» — и до сих пор ужасно рад этому факту своей биографии. В тот период, 1989-92 года, калужское училище культуры было самым удивительным учебным заведением из всех, про которые я когда-либо слышал.

Тогда в стране бушевала перестройка. А «Кулёк» — контора непонятного такого профиля: готовит людей для работы в Домах культуры, в сельских клубах и так далее. В советское время всё это дело было очень сильно идеологизировано — клубная работа, оформление, разные мероприятия. А тут — бац! — вся идеологическая база рухнула, а новой не возникло. И те три года стали сплошной судорожной попыткой руководства нашего учебного заведения сформировать нечто — на пустом месте. Боже мой! Чего там только не было тогда... Можно очень долго рассказывать.

Вобщем, смешная и милая была контора. Тогдашний директор имел таких «тараканов» в голове! Уж на что мы с друзьями отличались неформальным отношением ко всему, но он вводит в ступор даже нас! Вместо звонков у нас рок-н-рольные композиции звучали... Вместо привычных парт и стульев — какие-то банкетки неправильной формы! Заходясь — такое ощущение, что это психуни-

Александр ТКАЧЕНКО:

«Я ВЫШЕЛ ИЗ ЭЛЕКТРИЧКИ ВЕРУЮЩИМ»

На поэтов не учат, нет такого факультета. Вернее, факультет, может, и есть, да только окончи хоть сто литинститутов — диплом тебя поэтом не сделает. Впрочем, как и богословом, хоть одолей с блеском одну за другой все духовные академии мира. Александр Ткаченко академий не заканчивал. Но он и поэт, и богослов. Рецензенты, профессора Свято-Тихоновского института, возвращают его богословские статьи без единой поправки. А московские православные глянецовые журналы регулярно их печатают. А есть ещё и печки, сложенные им, которые обогревают не один подмосковный дом. Впрочем, печки уже в прошлом. Теперь Александр — штатный обозреватель журнала «Фома». Совсем недавно он, по заданию редакции, летал в Хабаровск, а сейчас мы сидим на уютной кухне его деревянного домика на окраине Жидры. Пьём чай и разговариваем.

Хабаровск. Ткаченко на высоком берегу Амура с рядом с часовой Родины.

ка, где стены мягким обиты и мебель такая же, типа чтобы не побились. На стенах — хотя сейчас этим уже никого не удивишь — висели абстрактные полотна, которые директор на авангардистской выставке купил. Короче, всё располагало к тому, чтобы «башня» ухлила куда-то набок.

Благодаря такой атмосфере «Кулёк» на три года из запертого ирригированного советского учреждения превратился в очаг калужского свободомыслия.

НЕ ПРОСТО ТВОРЧЕСТВО

Характерно, что рокеры восьмидесятых, которые перешагнули свой сорока-пятидесятилетний рубеж — теперь, по большей части, православные люди. Александр и сам из «таковых». До сих пор — грива длинных волос, борода — образ вечно го хиппи, правда, уже пожившего, умурённого жизнью, в волосах кое-где поблещивает серебром...
 — Называлась наша группа — «Грани наплыва»... Замешано было всё это дело на крепком «арт-роке» в духе «Кинг Кримсон», «Исс», «Раш», но только — весело. Мы делили музыку оптимистичную и жизнеутрастную. С безумными какими-то текстами...

Единственное концертное выступление у нас было лишь в 1989 году, когда в Калуге проходил Весоюзный рок-фестиваль. А так группа была студийная. Мы арендовали студию в «Строителе» и записали очень хороший демостриповый альбом... Но всё это, в силу ряда причин, так ни во что и не выросло, и я особенно об этом не жалею. Потому что к окончанию записи этого альбома мы ушли в Церковь. Просто получилось так, что какой-то определённый момент нам всем стало ясно — группы больше нет. Эта страница нашей жизни закончилась.

Наверное, это был закономерный финал. Потому что для меня и для других ребят, моих знакомых, занятия рок-музыкой, на самом деле, были — суррогатом религиозной жизни. Мы понимали, что нельзя жить «просто так». Что чему-то нужно посвящать свою жизнь. Чтo себя нужно чему-то отдавать. А чему — было не понятно. И нам тогда казалось, что выход — рок-музыка. Как и многим, наверное, рокерам, потому что рок — это... это не просто вид творчества у нас тем более не шоу-бизнес. Рок в своей основе — это реализация религиозного чувства, которое просто не получило в человеке нормального, традиционного выхода.

ЖИТЬ БЫСТРО...

Жизненный опыт зачастую — вещь дорогая... В том смысле, что платить за него приходится дорого. Очень глубокие статьи Александра — «Взбесившийся ротвейлер» и «Исправитель зла» — затрагивают важнейшие проблемы: сущность людских страстей, аскезы мучения, метания грешной человеческой души. Случайно ли Александр так часто обращается к этим темам? Или потому что знает, о чём говорит?

— У меня всё происходило так, что я в двадцать лет совершенно точно знал, что до тридцати уже не доживу. К этому возрасту у меня сформировалась определённая философия. Она заключалась в том, что смысл жизни человека — в получении определённого коли-

чества положительных ощущений и эмоций. Иными словами, как я считал, каждому человеку на протяжении срока его биологического существования отмерено некое количество удовольствий. И если прожить среднестатистический срок жизни, то получается, что все эти удовольствия раструты на несколько десятилетий. А если их сконцентрировать, увеличив на порядок, то у тебя будет несколько лет плотной, насыщенной положительными ощущениями жизни. После чего ты, конечно, стоишь, как свеча, но, тем не менее, смысл от этого никому не летится. То удовольствие, которое ты должен был получить за несколько десятилетий, ты получишь лет за пять, за шесть. А потом тихо-мирно «гнешься», и тебя закопавот. Не всё ли равно, какая резинка?

Это не было морисоновским «жить быстро, умереть молодой», хотя по духу, наверное, то же самое, такой наркоманский голенизм. Невзрущие люди часто оценивают себя чего ни полади и называют это смыслом. Не думаю, что это был мой уникальный взгляд на жизнь. Многие, наверное, рассуждали подобным образом... Но дело в том, что в эти рассуждения вкрадась существенная ошибка, изначально её просто не было видно. Её можно было увидеть только на практике, похоронив по всем этим кривым дорожкам. Ошибка в том, что «когда варенье можно есть, варенье может испортиться». Удовольствие вещь потому и удовольствие... Оно должно быть на контрасте. Должен быть праздник, но должны быть и будни. Шесть дней в неделю рабобашь — и один выходной. А если сделать всё семь дней выходные, он теряет свой смысл.

И уже два года такой жизни: с наркотиками, с волкой, с левизанами и безумными какими-то ульками... привели к тому, что я и внутри сторел. Было ощущение обугленного внутри сердца. И жить стало совсем тоскливо. Вместо удовольствия наступило такое состояние, в котором уже ничего не раловало, ничего не было интересно. И собственно, только занятия рок-музыкой меня и держали на плаву в то время, потому что всё же прелюбова-лаи какую-то ответственность. Непонятно перед кем, непонятно за что, но всё-таки эти занятия выводили меня за пределы своего обугленного «Я», за пределы вот этой философии поганой... И в этом смысле рок-музыка не то, чтобы привела меня в Церковь, но выжить тогда помогла.

Было тогда смутное, неоформленное желание — стать верующим человеком. Может быть, странно звучит, но это действительно так. Я понимал, что вера — это такая штука, которая не отменяется. Нету человека такого мускула, который бы он мог напярчь, сосредоточиться и — о, уже стал верующим! Так не бывает. А мне очень хотелось.

Парадоксальная вещь — человек очень многое может сделать сам, но не может заставить себя что-то полюбить, не может заставить себя чего-то хотеть, или поверить. Это лежит уже за пределами его волевой сферы.

Но если желание стать верующим искреннее, оно не остаётся без ответа и Господь обязательно его услышит. Даже от такого дикого человека, каким был тогда я.

ОКАЗЫВАЕТСЯ, НЕ ВРУТ

— Когда моя мама крестилась, у нас дома появилось много духовной литературы: церковные книжечки, брошюры. Мы тогда с будущей женой только-только начинали встречаться. Как-то мы с ней сидели и листали какую-то художественную книгу. Там написана Библия была... И Нина говорит: «Слушай, какой язык красивый!» Я сбегал к маме в комнату, попросил у неё Евангелие. «Во, гляди», — говорю, — тут этой красоты — на каждой странице». Посмотрели — и правда, всё таким же языком написано. А на следующий день мне нужно было ехать в Калугу. И я решил взять с собой в дорогу мамин Новый Завет. Мама мне на радость не только Евангелие дала, но ещё и книгу кивчекрек разных, которые она из Киева привезла. Хорошо помню, что одна там была — из первых работ иеромонаха Рафаила (Карелина) — «О вере псевдовера». И ввел всё это дело собой в электричку. Сначала карелинскую брошюру «про глотки». Отчётливо помню свою мысль: «Ёлки-палки, оказывается поны не врут!» То, что Карелин писал про телевидор, про скандинку, восприятия телевизионных передач полностью совпало с моей оценкой. А потом я начал читать Евангелие...

И всё. Я вывел из него и про оторваться мне. Я читал, читал, читал, читал... Это очень трудоемкое занятие, особенно с неврвнички. Но всё равно, я читал и с удивлением видел, что все представления о добре и зле, которые в мире существуют, они все, на самом деле, абстрактны и не отосительны. И все этические категории, которые существуют в мире, они, на самом деле, выросли отсюда, вот из этой книжечки.

Для меня всё это было настолько поразительно, что я был в состоянии культурном, психологическом шоке. А потом вообще началось нечто совсем странное, чему я до сих пор так и не сумел дать никакого объяснения, и лишь могу рассказать, как это было. Я вдруг ощутил в своем сознании мощный процесс всё, что я к тому времени прожил, прочувствовал, передумал, вся информация, которая лежала у меня в сознании бессистемными кучами, вдруг начала сама собой выстраиваться в строгие и последовательные ряды, прямо здесь и сейчас начала приходить в упорядоченное состояние. И я увидел ясно что... да, действительно, мир сотворен Богом. Действительно. Бог этот мир до сих пор содержит. Действительно, если этот мир до сих пор ещё не развалился и люди не перервали друг другу глотки, то лишь исключительно потому, что в мире ещё действует принцип, которые описаны в этой книжке. Всё, я стал верующим человеком. Сел в электричку неверующим, а вылез из неё верующим.

Ох, как же мне тогда стало страшно! Обычно люди говорят, что, когда они уверовали, у них был восторг какой-то, радость. Не знаю... Я вылез из электрички в ужасе. Стою на перроне и думаю: «Боже, это ж как жить-то дальше!»

Сбылось то, о чём я в глубине души мечтал — я стал верующим. Но как жить дальше, я действ-

тельно, не понимал. Как это так: я живу, и Господь меня видит постоянно, каждое моё действие, слово и даже мысли? Ничего не скрешь, не утаишь. Жуткое зелье ощущение с неврвички — правда! Я настолько был к этому не готов, что просто растерялся. В этой растерянности приезжаю в общежитие, там Серёжа Марин, наш клавишник (он сейчас регент семинарского хора), и ещё один парень, наш звукооператор. Увидели меня, ну, как всегда: ха-ха, ля-ля, привет, привет... А я: «Тихо, тихо, ребята! Тут такая штука... Я хотел бы с вами поделиться, а потом услышать, что вы скажете по этому поводу». Ну и выдалим в той же последовательности: сначала карелинскую брошюру прочитал вслух... Они выслушали молча, потом говорят: «Ещё есть что-нибудь такое?» — «Да, конечно», — говорю. Достал. Прочел. «А ещё есть?» Ещё достал — уже Евангелие. «А ещё что-нибудь?»

Вобщем, мы сидели и всю ночь по очереди читали вслух духовную литературу. До хрипоты. Сначала у одного голос сел, потом у другого. Читали, читали, читали, совершенно от этого чтения опухли, потом Сергей говорит: «Так. Значит, как, ты говоришь, монаха зовут, который «волосатых» крестит в Оптиной?» Я говорю: «Отец Сергей Рыбко». Серёжа сказал: «Попапню». И уехав утром крестился. Все! Мы просидели вместе часов десять за этим громким чтением, и как-то всем стало ясно, что больше нашего рок-коллектива не существует, что здесь всё кончилось. И странное дело — не грустно от этого было, а легко и радостно.

Наш лидер, Володя Чучелов (Карлсон), приехал из Обнинска на следующий день и не может понять, что случилось. Он нам что-то про запись говорит, что с кем-то там договорился, чтобы клавиши дали какие-то навороченные... А мы смотрим на него и тихо так улыбаемся. Ну как

объяснить человеку в двух словах, что тут произошло?

ФОМА ВЕРУЮЩИЙ
Теперь судьба Александра крепко связана с «Фомой». Что же даёт ему эта новая среда, новая жизнь, кроме напряжённой работы, ежедневных мотаний в первопрестольную и командировок на край света?

— Сейчас и светские, и, к сожалению, православные средства массовой информации построены большей частью на критических материалах. Это, в общем, нормально — для журналистики в целом. А вот для православных изданий — не совсем подходит. Вель что такое критика? Найдешь что-то плохое — и начинаешь это дело вертеть, крутить, показывать со всех боков: и с того, и с этого... Журнал «Фома» занимает принципиально иную позицию: он пишет только хорошее. А это трудно, потому что мы в нашем мире живём. Хорошее искать нужно, его нужно научиться видеть и вытаскивать из той кучи грязи и хлама, которая нас окружает.

И вот что самое для меня в «Фоме» важное: занимаюсь подобного рода творчеством, неизбежно приходится себя внутренне перестраивать в этом же позитивном направлении. Через несколько месяцев активного сотрудничества с журналом я с удивлением почувствовал, что начинаю смотреть на жизнь другими глазами. Я вижу такую перемену и в других людях, которые там «осели». Журнал «Фома» меняет людей — про читателя не скажу, а вот своего создателя и авторов — совершенно точно. И, наверное, именно это для меня — главное приобретение, связанное с работой в «Фоме». Впервые за много лет я заметил, что во мне что-то меняется, и при этом — не в худшую сторону.

Павел ЛЕВОЧКИН.

На фото: Александр ТКАЧЕНКО.

ЦИТАТА

«Если Бог всемогущ, может ли Он создать такой желтый камень, что сам его не подымет?» — до революционной жакетной загодкой ставил эти вопросы новичковшодливые семинаристы. Если не может сотворить, значит — не всемогущ; если сотворит, не подымет, все равно — не всемогущ.

«ВО СВОБОДУ БУРАТИНО!»

При всём своём кажущемся легкомыслием эта головоломка содержит в себе очень серьёзную философскую проблему: может ли творение быть неподвластным Творцу? Возможно ли, чтобы всемогущий Бог создал нечто, над чем не будет обладать абсолютной властью? Сспособен ли Он ограничить собственное всемогущество?

Вопросы очень серьёзные, но в православном вероучении на них имеется совершенно ясный ответ. Святитель Филарет Московский про запалку о камне сказал: «Бог не только может создать такой камень, но — уже создал его. Камень этот — человек». Церковь учит, что Бог сотворил человека для его участия в блаженстве бытия. Весь мир был устроен так, что существование людей в этом мире наполняло их жизнь радостью и вельем. А главной радостью бытия для человека была любовь к нему Бога. Но ответить на любовь может лишь тот, кто свободен в своем выборе. И Бог дал человеку эту удивительную возможность — любить или не любить своего Создателя. Так, в огромном сотворённом Им мире, который полностью подчинился своему Творцу, вдруг появилась территория, над которой Он не имел власти. Это было сердце человека, которое только он сам мог наполнить любовью к Богу, но так же свободно мог и отказаться от этой любви.

Вот на этой-то, неподвластной Богу территории и рождается зло как результат свободы, неверно употреблённой человеком. Зло не имеет сущности, потому что оно не сотворено Богом. Тьма — это всего лишь отсутствие света. Так и зло — не отдельная категория бытия, противостоящая добру, это просто отсутствие добра там, куда человек не позволил войти Богу. Поэтому уничтожить зло невозможно, как невозможно стереть с земли тень. Зло — это мрак, который живет в сердцах людей, не желающих вступить в себя свет Божией любви. Но если бы Бог насильно изгнал этот мрак из человеческой души, то люди перестали бы быть людьми и превратились бы в зомби, в автоматы, жёстко запрограммированные на добро и послушание Богу. И ни о какой любви тогда уже не могло бы быть речи, потому что роботы не могут любить. Святитель Григорий Назианзин говорит: «Спасение для желающих, а не для насильных». А вот слова Симеона Нового Богослова: «Никто никогда не стал добрым по принуждению».

В этом смысле проблему человеческой свободы очень хорошо освещает всем известная сказка о деревянном человечке Буратино. Он не слушал папу Карло, проигнорировал наставления мудро-го сверчка, прокутил в театре куртку и азбуку, куленные ему отцом на последние деньги, и связался с утомниками. В результате — получил кучу неприятностей, много страдал и не погиб в болоте лишь потому, что был абсолютно деревянным. Почему он страдал? Потому что «ушёл в тень», пренебрежительно отвергнул любовь всех, кому он был дорог. Но был ли папа Карло виноват в его страданиях? Давайте разберёмся.

Предположим, что папа Карло, выстрелив из пистолета Буратино, решил наказать своего любимым самой возможности развиться предосудительным образом. И гвоздями прибил Буратино к полу. Он очень любил его, купил ему самую лучшую азбуку и самую красивую бумажную курточку, кормил его самыми вкусными луковками и... Нет, хватит. Что-то очень уж грустная сказочка получается. Такое благополучие страшнее любого Карабаса-Барабаса. Да и папа Карло здесь выглядит как-то сомнительно.

Лучше уж оставить традиционную версию сказки, которая совершенно очевидно напоминает евангельскую притчу о блудном сыне. Потому что обе эти истории помогают понять важнейший смысл страданий человека, сопряженного со злом: страдая, люди приходят к себе.

«Придя же к себе, сказал: сколько наемников у отца моего избыточествуют хлебом, а я умираю от голода: встану, пойду к отцу моему и скажу ему: отче! я согрешил против неба и пред тобой...» (Лк. 15, 17-18)

Александр ТКАЧЕНКО.
Из статьи «Исправитель зла», журнал «Фома», №9, 2006.

«Если желание стать верующим искреннее, оно не остаётся без ответа даже у такого диного человека, каким был тогда».

Жил в Дании странный мистер Виг. Хочется написать - жил-был. Такой он необычный, хоть персонажем в сказку. Семь лет назад его начала снимать Датская кинодокументалистка Пернилла Роза Гренкьер, почувствовав рождение удивительной истории. Так появился фильм «Монастырь», который на прошедшем летом Московском международном кинофестивале по результатам опроса зрителей был признан лучшим в документальной программе.

ДАР И ОБИДЫ МИСТЕРА ВИГА

ПРАВОСЛАВИЕ БЕЗ ГРАНИЦ

Мистер Виг и матушка Амвросия.

ТЕРПЕНИЕ И ЧУВСТВА

Мистеру Вигу принадлежал замок Хесберг на острове Фюн. Когда хозяйню было уже за восемьдесят, решил он устроить в замке православный монастырь. Отправился с предложением в Московскую Патриархию. Но благословенно Святейшего Патриарха излучил обстановку в Хесберг из России приехали сестры Шамординой общины. И... благовременно быстро поняла, что реальность не совсем отвечает его мечтам.

— Что это за картина? Буддистская? Можно её снять? А это что за диван?

— Из Китая. Его называют «диван для курения опиума».

— Это плохой диван.

Монахини вместе с приехавшими с ними рабочими перетряхивали встехое здание, навели порядок в комнате, разгребли запущенный сад. Для хозяйни не обошлось без потерь. Для сестёр — без слёз. Виг сильно переживал. А эти русские задумали ещё и реконструкцию.

— Она стена протекает, а она хочет всю крышу менять, — жаловался Виг на главную сестру, матушку Амвросию. И в конце прибавлял:

— Трудно согласиться с людьми, которые всегда правы.

Крышу всё-таки перекрыли без техники, одними руками, на страшной высоте, и Виг с гордостью демонстрировал её своим гостям: «Это русские сделали!» В замке был создан домовый храм в честь св. царственных страстотерпцев российских (император Николай был по крови датчанин — по матери, императрице Марии Фёдоровне, принцессе Датмар). Для окрестных жителей привычными стали звуки молитв и песнопений на церковнославянском. Виг присутствовал на всех различных богослужениях и при-

дирливо следил за их ходом, используя комплект самодельно привезённых им из России книг.

С колодами почти не отапливаемый замок опустел, и ежевечерний крестный ход с иконой вокруг него матушка совершала либо одна, либо вместе с сердитым хозяином. Да ещё оператор следовала за ними со своей камерой.

ПРЕМЬЕРА В КИНОТЕАТРЕ «ДАГМАР»

Всего Пернилла накопила более 60 часов отснятого материала. Очень много важного из того, что произошло с мистером Вигом за эти пять лет, Пернилле поймав на плёнку не удалось. Но то, что снято, выглядит захватывающе, как этюдное кино. Водитель Илья, помощник матушек в строгих и хозяйственных делах, рассказывает: «Пернилла... постоянно жила рядом, в автоприцепчике. Приходила утром в любое время, ставила камеру, снимала. На неё не обращали внимания. Поэтому такой замечательный фильм и получился, что там всё натурально. Никто не играл».

Премьера состоялась в кинотеатре «Дагмар» (датское имя до принятия Православия императрицы Марии Фёдоровны). Показ проходили с аншлагами.

«В Дании нас очень любят. Вообще, датчане — народ доброжелательный. У водителя спросили дорогу, так он не только объяснит, но и карту свою отдаст», — рассказывает Илья. — А после фильма нас везде и в окрестных магазинах, и в полиции, где документы продлеваем, — сразу узнают». Статьи о православном монастыре в поместе старого чудака Вига были на первых полосах самых серьёзных газет. Теперь журналисты навдываются периодически: мол, что у вас новенького? Приезжают датские семина на велосипедах. Целая команда были добрыми христианами, и он

в Москве на фестивале фильм тоже очень понравился, приз зрительских симпатий он завоевал в конкуренции с очень сильными картинами, отмеченными престижными призами.

Пернилла Гренкьер и продюсер её фильма Сиприд Хелен Дайкер очень бережно сумели показать, как в сложной ситуации выстраиваются отношения между людьми разных жизненных позиций, разных культур. Как забываются личные обиды ради главного — того, что объединяет. Илья говорит: «Нам фильм демонстрировали ещё сырым. Что бы посмотрели, послушали свою речь может быть, что-то захотим убрать. Но мы посмотрели, и всё осталось, как есть...»

Только самый главный герой так и не увидел фильма. В конце 2005 года Йорген Лоуренс Виг умер. Поехал в Индию на конференцию, забрал там в вакуумную гонимую и простыл. Похороны раба Божия Георгия стали коротким финалом картины, хотя изначально планировалось закончить её по-другому. «Всегда ожидал неожиданного», — говорил сам Виг.

ДАТСКИЙ ПОТОМОК КНЯГИНИ ОЛЬГИ

Всю жизнь эксцентричный датчанин прожил холостяком.

— Виг, а кандидаты были?

— спрашивала его Пернилла.

— Не знаю, — хмуро отвечал тот. И прибавлял, то ли в шутку, то ли всерьёз: — Я, наверное, слишком много внимания обращал на их носы...

Те, кто хорошо знал этого чудачковатого человека, называли его мыслителем, энциклопедистом. Он был очень неприхотлив в отношении еды и одежды, деньги тратил в основном на путешествия и книги. В замке огромная библиотека — тома со всего света.

Обнаружился там и полный комплект православных книг, необходимых для богослужения. Что-то Виг сам привозил из России, что-то ему присылали по почте. Он учился в четырёх европейских университетах, знал 15 языков, в том числе древние — иврит, древнегреческий. Десять лет прослушал библиотечкарем в университете Копенгагена. И всегда был чем-то вроде социалиста-утописта. Свой замок Хесберг он приобрёл в 1957 году на скопленные от библиотечных заработков деньги (сейчас цена на замок выросла в 20 раз).

Его родители, как Виг рассказывает в своей автобиографии, были добрыми христианами, и он

с юных лет хотел стать пастором. В молодости пожил в католических монастырях. И всю жизнь серьёзно изучал теологию. Какое-то время пастором он всё-таки побывал, успев две пары обвенчать и одного человека окрестить. А дальше, похоже, разочаровался. Местные говорят: «Датчанин за всю жизнь бывает в церкви трижды: рождение, крещение, венчание и смерть».

Священнослужитель здесь — госслужащий, вроде банковского клерка. Недавно даже какой-то пастор объявил, что не верит в Бога. Его было уволили, но суд в должности восстановил: мол, он же свои обязанности исполняет, читает, что нужно. Современные лютеранские богослужения больше походят на театральное действо, нередко в кирхах устраивают даже дискотеки — с громкой музыкой, пивом...

Почему владелец Хесберга решил отдать замок именно православному монастырю, становится ясным из письма митрополиту Кириллу, в котором мистер Виг говорит, что Православие — единственная надежда христианства, христианский мир может выжить только в Православии.

Виг много раз бывал в России, был лично знаком с академиком Сахаровым, глубоко изучил русскую культуру, русский язык. «Только говорить по-русски не научился, — вспоминает Илья. — Считаю, что у него плохо получается. Хотя на самом деле никогда ошибок не делал — ни в спряжении, ни в падежах». И учился постоянно. Например, оставляет записку на столе: «Завтра воды не будет. Воду надо собирать на запасе, про запас, в запас». И потом обязательно спросит, как правильно. Такие тонкости выяснял — даже русские затруднялись ответить. Лингвист от природы».

В конце девятидесятых он год посещал в Санкт-Петербурге духовной семинарии, жил где-то под Питером, ездил на электричке. А в 2002-м Виг вместе с матушкой Амвросией отправился в Алатырь к её духовному отцу архимандриту Иерониму. Там впрямую приехал в храм он принял Православие. Накануне Вигу сказали, что нужно взять крестик, а он: «У меня есть», — оказавшись, он всегда носил тот, который подарил ему монахини.

Однажды Виг рассорился с матерью Амвросией, которая настаивала на возведении креста над замком, и попросил Илью съездить с ним к своему родственни-

ку. Если у мистера Вига был абсолютный хаос в жилище, в делах, то у того — всё по полочкам. Привезли оттуда огромную книгу — родословную семьи более чем за тысячу лет: от княгини Ольги через польских и датских королей до мистера Вига. По этой книге, одна из дочерей русского князя Владимира вышла замуж за польского короля, а потомки из Польши попали в Данию. Мистер Виг торжественно продемонстрировал своё генеалогическое древо русским: «Смотрите! С кем вы спорите?». И... согласился, что потому князь Владимир, креститель Руси, не мог противиться установке креста. Через две недели на кровле датского замка засиял купол с православным крестом.

ИЗ ГРЕК В ВАРЯГИ

Одно время в Дании принялись уничтожать леса и почти все извели, а мистеру Вигу удалось сохранить островок многовекового леса. Сейчас в Хесберге буки с таким стволем, что только трое могут их охватить, вышши пятнадцатиметровой высоты, ореховые аллеи.

Простые дачные из окрестных деревушек так сошлись с русскими, что звались опекал российский интернет в Калужской области (директором там родная тетя Илья) из своих пенсий уже который год оплачивают ремонт здания и поездки нескольких групп в Данию на летний отдых. Литургия в домовом храме совершается в Дании через воскресные, батюшка здесь один на три прихода. Прихожане не только русские, но и православные армяне, сербы, белорусы, украинцы. Приезжают, в основном, с острова Фюн, из соседней Юландии. Приходит постоить на службе и датчане, привозят с собой детей. Она из коренных датчанок попросила как-то взять её в Россию, поехала нелегально в Шамордино и захотела креститься, теперь она председателем местной православной общины.

Вопрос о наследовании до конца не решён, в Дании очень специфические законы. Но ближайшие родственники мистера Вига заявили: «Храм и монахини должны здесь остаться — мы просим их остаться». А пока раз в несколько месяцев машина из Шамордино с сестрами и трудниками проплывает тридцатидневный путь из России в Данию — «из грек в варяги».

**Андрей КУЛЬБА,
Журнал «Нескучный сад».**

КАК МЫ МЕШАЕМ ЛЮДЯМ ПРИХОДИТЬ В ПРАВОСЛАВИЕ

Один мой знакомый православный англичанин когда-то, много лет назад, впервые приехал в СССР. Он тогда почти ничего не знал о Православии, а о России у него было самое романтическое представление. Достоевский, «Доктор Живаго», рублевская «Троица» и т.д. Был конец лета, Москва казалась почти пустой. Мой знакомый бродил по улицам, смотрел по сторонам и всему удивлялся. Вдруг он увидел православный храм с приоткрытой дверью. А ведь в то время большинство московских храмов (как и во всей стране) были, что называется, действующими.

чанином, учителем средней школы. Узнав, что я на Афоне уже две недели и собираюсь пробыть ещё столько же, он вздохнул: «Какой же несчастливый, что имеет такую привилегию! Я ведь неправославный и могу быть тут лишь четыре дня. Каждый год я езжу сюда на четыре дня уже много лет подряд. И ради этих четырёх дней я живу весь год. Я хожу на все службы, стою в притворе, где многое слышно (в афонских монастырях инославному не позволено присутствовать на богослужениях, в храмы можно заходить лишь во внебогослужебное время), молюсь, как умею. Как я мечтал бы стать православным! Живу я на небольшом острове, где нет никого другого православного, а на возе Да-

нинкинке, что и в Израиле Он не находил такой веры. Надеюсь и уповаю, что молитвы этого человека были услышаны, его мечта исполнилась, и он стал православным христианином. Ведь теперь в Дании уже три православных прихода: в Копенгагене и один в Орхусе, плюс монастырь на небольшом острове, и может быть, этот смиренный учитель мог переезжать поближе к одному из них.

ИЗ БАПТИЗМА В ПРАВОСЛАВИЕ

А вот мой давний друг Джеффри Макдональд обратился в Православие иначе. Наверное, об этом тоже стоит рассказать. Джеффри — американец шотландского происхождения, из

работал на раскопках. И тогда он впервые задался вопросом: а когда же началось отпадение верующих от библейских принципов, о котором говорили ему учителя? Он решил провести собственное исследование. Каковым было первое поколение христиан после написания Нового Завета? Так Джеффри познакомился с посланиями ученика св. Иоанна Евангелиста — священномученика Игнатия Богоносца, епископа Антиохийского — одного из первых христианских богословов, принявшего мученическую кончину в царствование императора Траяна (107 г.). Епископа Игнатия арестовали в его родном городе, когда он был уже в весьма преклонном возрасте, и в уззах повлекли в Рим, чтобы бросить на растерзание львам на арене цирка. По пути святитель Игнатий писал послания церквям в тех городах, через которые его проводили. Джеффри придирчиво проштудировал эти послания и убедился, что по духу они ничем не отличаются от библейских. Он перешёл к следующему поколению и стал читать писания священномученика Поликарпа, епископа Смирнского, младшего современника святителя Игнатия, также казнённого римскими властями на арене цирка, но его родном городе Смирне в 155-156 годах в возрасте 86 лет. Прокожул предложил ему похулить Христа и идти с миром. «Восемьдесят шесть лет я служу Ему, — отвечал Поликарп, — и никакой обиды не претерпел от Него. Как же я могу похулить Царя моего, Который меня спас?» И в его писаниях даже самому придирчивому взгляду придать было не к чему — мученик Поликарп ни в чём не отходил от библейского духа.

Джеффри познакомился с трудами святого Иустина Мученика — первого христианского философа, интеллигента, который, получив блестящее образование, искал высшую мудрость по всему свету и нашёл её в христианстве. Он был казнён в Риме при императоре-философе Марке Аврелии между 162 и 168 годами. Далее мой друг стал читать труды священномученика Иринея Лионского — малоазийского грека, ученика святителя Поликарпа, схваченного в далёкую Галлию и ставшего там епископом, миссионером и богословом. Он принял мученическую кончину в 202 году. И опять все эти писания были образцами библейской мысли, библейской веры и библейского духа. Так, шаг за шагом, молодой баптист дошёл до сегодняшнего дня, до писаний святителя Игнатия (Брянчанинов), Феофана Затворника и современных православных богословов, и убедился, что библейская традиция. Прелание никогда не прерывалось и живёт в единой и единственной исторической Церкви Христовой. Так он стал православным, наконец, завершив свои поиски Церкви, в которой истинно служат Богу. Когда его принимали в Церковь, ему нарекли имя Серафим — в честь преподобного Серафима Саровского.

Нужно сказать, что у Джеффри Серафима на всю жизнь сохранились характерные для искренних баптистов честность и щепетильность — качества, к которым мы, православные, зачастую относимся, увы, весьма небрежно. Когда он обратился в Православие, ему оставалось доучиться

ещё год в его баптистском университете. Ситуация осложнялась тем, что он при поступлении дал обязательство на всё время обучения отказаться от употребления спиртного под угрозой изгнания из университета. Но американские православные храмы записка после принасти весте сосотит из пина с кинитком, и, принимая её, он нарушал своё обещание. Поэтому он направился к ректору и подал ему докладную о том, что в силу изменившихся обстоятельств его жизни он не может более выполнять своё обещание в данном пункте, о чем формально ставит ректора в известность и оставляет дело на его усмотрение. К чести ректора нужно сказать, что он не только не выгнал Джеффри, но и позволил Джеффри закончить курс.

Многие ли из нас обратили бы внимание на такую мелочь? Но жизнь состоит из мелочей, и Джеффри старался отвечать за себя и свои слова в каждой из них. Не о таких ли людях сказал Господь: «Добрый и верный раб! Ты был верен в малом, над многими тебя поставлю. Войди в радость Господина твоего!» (Мф. 25, 20)

КАЛЬВИНИСТСКИЙ ПАСТОР

Наконец, история, связанная с обращением ещё одного моего хорошего знакомого — голландца. Назовём его Тео Ван-дер-Хайек. Тео был сыном кальвинистского пастора из города Гагты. С детства он помогал отцу, играл на органе в его церкви. Когда мальчику было около пятнадцати лет, он впервые поехал в Париж. Гуляя по улицам французской столицы, он заметил необычное церковное здание, зашёл туда и оказался в русском православном храме. Службы не было. На скамеечке сидел соборный старец в чёрной рясе, который ласково поздоровался с юным голландцем. Так Тео познакомился с замечательным русским архиереем — епископом Александром (Семёновым-Тян-Шанским), кстати сказать, сыном знаменитого путешественника и первооткрывателя. Вскоре Тео принял Православие с именем Иоанн (в честь святого евангелиста Иоанна Богослова) и стал духовным чадом владыки. Отец, хоть и был недоволен выбором сына, не стал ему препятствовать (знаменитая голландская терпимость), и Тео, закончив университет, дальнейшее образование получал уже православное (Свято-Владимирская духовная академия, аспирантура, докторантура).

Сотом моего друга я познакомился много позже, когда Тео заканчивал докторантуру в США (диссертацию он писал о преподобном Симеоне Новом Богослове), а я проежал через Голландию по пути в какую-то из Балканских стран. Тео, который и в Америку проводил каникулы дома, пригласил меня пережить у них.

В доме его не было ничего, что напоминало бы о профессии его хозяина — всё-таки старик какникак! Ни креста, ни картины на библейскую тему, — ничего! Только на лестнице в узком витражном окне переливались всеми цветами радуги шестиконечная еврейская звезда.

Тут я немозко понял ту готовность, с которой Тео обратился в Православие: сын пастора в нём впервые познакомился с настоящим христианством.

Сейчас он профессор в Свято-Сергиевском богословском институте в Париже.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФОНД

Во второе издание книги Александра Дворкина «Афонские рассказы», которое недавно увидело свет, включено несколько жизненных историй, подтверждающих слова Спасителя: «Стучите, и отворят вам». Господь не скроется и не отвергнет того, кто всем сердцем ищет. На любом языке мира он обращается к каждому. Имеющий уши слышать да услышит...

УДИВИТЕЛЬНЫЕ ВСТРЕЧИ

АЛЕКСАНДРА ДВОРКИНА

Англичанин зашёл в дверь и натолкнулся на полную даму в синем халате, моющую пол. Она стала сердито на него кричать, тесня его к выходу. Языка он не понимал совсем, и чем вызвано её раздражение, уразуметь не мог. По-русски он знал всего три слова и решил употребить сразу два из них. «Христос воскрес!» — воскликнул он, широко улыбаясь разгневанной даме. «Нет!» — отрезала она, выткнув его на паперть и хлопнув дверью ему в лицо. Это было третье тогда известное ему русское слово.

ДАТЧАНИН

Как-то, буди на катере из одного афонского монастыря в другой, я разговорился с соседом по лавке, светловолосым парнишкой средних лет. Он оказался дат-

нио — один единственный православный храм — в Копенгагене, за много часов пути от моего острова. А как можно быть православным и не жить церковной жизнью? Я рассказываю своим ученикам о Православии, а когда мы однажды поехали на экскурсию в столицу, я пошёл в храм, чтобы они увидели живое Православие, а не знали бы о нём только из моих рассказов. Мы зашли в удивительную по красоте церковь, но нас тут же оттуда выгнали, сказав, что неправославным в храме делать нечего. Я понимаю, что такое поведение не имеет ничего общего с настоящим Православием, но зачем это было очень сложно объяснить. Поэтому, наверное, лучше, чтобы они знакомы с Православием по книгам, чем вживую. Как вы считаете?»

Я был поражён верой и смиренем этого человека. Вспомнил слова Христа о женские сиродиклана тех самых Макдональдов, по рождению, разумеется, принадлежал к пресвитерианской церкви — национальной церкви Шотландии. Родители его были не слишком церковными, но всё же по воскресеньям возили его на службу и в приходскую школу. Джеффри с детства отличался от всех своей родни. Отец его был весьма успешным менеджером, и в семье была сильная предпринимательская жилка. А старший сын, тихий и книжный мальчик, главным смыслом жизни видел служение Богу. В пятнадцать лет Джеффри обратился в баптизм, увидев там искренне и горячо верующих людей. Он ничего не делал наполовину и, окончив школу, поступил в самый известный баптистский библиейский Университет, где решил специализироваться на новозаветной археологии. После второго курса Джеффри поехал в Палестину, где всё лето

ПЛАНЕТА ЛЮДЕЙ

Как-то в храме на Литургии почувствовал на себе пристальный взгляд, огляделся и увидел мальчугана: он-то и рассматривал меня. Обычно, когда незнакомцы встречаются взглядами, возникает некая неловкость, и люди тут же отводят друг от друга глаза, а этот — нет. Паренёк лет девяти без всякого стеснения глазел на меня. И в ту же минуту откуда-то из глубин памяти всплыл образ совершенно постороннего человека: невысокий дядечка, с шарообразной, курчавой шевелюрой и рыжими усми буквой «П». На нём была цветастая рубашка с огромными углами воротника и синие джинсы, расклешённые у земли. Так, наверное, выглядели самые модные мужчины в семидесятых годах. Может быть, тогда, когда мне было совсем немного лет, я вот так же рассматривал того дядечку, смотрел и о чём-то размышлял.

ЗНАКОМЫЕ НЕЗНАКОМЦЫ

В провинциальных городках, кроме прочих прелестей, есть одна особенность: нельзя и пятнадцати минут пройти, чтобы с кем-нибудь не познакомиться. Кто-то раздражается такой теснотой, а мне нравится. Конечно, не все горожане знакомы друг с другом, но любой командировочный тут же узнаваем. Повادки, речь, жесты и особо новостные лица весьма бросаются в глаза местным. Кроме друзей и завсегдатых, у каждого из нас есть те, кого можно назвать — знакомый незнакомец. Это люди, с которыми мы встречаемся ежедневно, но почему-то так и не представились друг другу. У меня несколько таких незнакомцев, о них-то я и хочу рассказать.

Например, дедуля с набережной. Я туда прихожу прогуляться, посмотреть на пароводик, на рыбаков, а он в любое время года сидит на одной и той же лавочке и читает газету, то книжицу, даже грустно бывает, когда я не вижу этого старика.

Или каштановая мадам. Я её часто встречаю, где-то в нашем районе живёт. Длинная и сухая, с мальчишеской головой, выкрашенной хной. Она ходит как аист, ровный длинный нос и шея такая же. В холода она одевается совсем не по-зимнему, как-то уж очень спортивно, а с первым теплом так вообще выходит в одних шортах и футболке, и вся в обтяжку. Сначала я думал, что она спортсменка какая-нибудь, а потом заметил её в поликлинике, в белом халатике с пробирочками в руках. Переглядываемся. Но смотрит она как-то уж очень строго. Поздороваться не решаюсь, страшно.

А другая — полная противоположность «аисту». Тётяка-коротыха, вся такая квадратная, вся такая целеустремлённая. Идёт с высокоподнятой головой. Ножки маленькие, глазки маленькие, носик маленький. Переводчица. Кучки иностранцев по нашим немногочисленным достопримечательностям водит.

Был ещё один незнакомец — слобный армянин, выгуливал огромного пса. А потом исчез. Думал — уехал куда-нибудь, но на городском кладбище заметил его собаку, животное тихо лежало у свежей могилы. Я подошёл. Почувств мой приближение, пёс даже голову не поднял, а лишь взглянул на меня своими сенбернарскими глазами. А на граните портрет — того самого армянина. Они похожи. Теперь вот имя одного из них знаю. Познакомились.

Есть ещё человек. Странный. При встрече ведах здравается. Макушка лысая, похож на Линкольна. В сереньком пиджачке ходит. А работает на автостоянке: ворота открывает, закрывает. Я, конечно, для вежливости киваю на его приветствие, но осторожно: мало ли чего он здравается. У кума моего на той стоянке жигулёнок ночует, я у него и спросил про того лысенького, выяснилось — сектантик. Религиозные брошюры под стеклоочистители сует.

А мой любимый бомжик-хромоножка! Сам из цыган. Слышал, как он со своими на их языке говорил. Да видно, цыганскому ремеслу он так и не научился. Тихий такой. Николая пьяным его не видел. А когда ему подуют, стесняется, черными ключами кивает, то бишь благодарит.

Честно сказать, заводить новые знакомства уже не очень хочется. Ну, если там по работе случается, то приходится. Хороши старые знакомства, с детства или выгодные. Кстати, имеется и такой дружок, тоже из безмянных. Лет тридцать как знакомы. Как будто знакомы. Ни я его имени не знаю, ни он моего, а повстречались на детском пляже, купались вместе. С тех пор минимум раз в неделю здравается. Всё как положено, с рукопожатием. Но так, чтоб по делу... за все тридцать лет знакомства общего дела и не нашлось. Даже пива вместе не выпили.

Всякого по городу люди ходит: одни спешат, другие детисек проветривают, особо по праздникам. И все вроде бы разные такие, и толпа вроде пёстрая, но в этой пестроте, людей-то и не видно. Ой как редко встретишь особое лицо! Не пёстрое, не яркое, а особое. Идёт себе

группка нимфеток, все такие юные, красивые, но одинаковые, как спички. А тут подлушка их догоняет. На ней какая-то дурацкая кофточка, несусренная причёска, а в руке огромное облако сахарной ваты. И школу-то она, наверное, без медали окончила, но так радуется своим существованием, своей настоятельностью.

Здесь, недалеко, монастырёк есть. Когда мимо с начальником проезжаем, частенько заходим. Ну там записочки подать, свечки поставить. Обыкновенный махонький монастырёк, чуть больше десятка насельников. И есть там один монашак. Рваненький, перепачканный и ушастый. Все монахи как монахи, а этот взъерошенный какой-то. И так приятно его

видеть, и тот тоже радуется. Полагаю, он всем радуется, а кажется, что только мне. Тоже вот, даже имени не знаю, надо бы спросить. А зачем?

Этой осенью случилось так, что по работе мне пришлось несколько раз на день проходить через набережную, и я поймал себя на мысли, что вот уж вторую неделю не вижу того дедулю с книжкой. Может, из-за непогоды дома сидит? Может, приболел? А может... Не помер ли?

Андрей ФАНДЕЕВ,
г. Людиново.
Рисунки автора.

ВЕРА МОЛОДЫХ
№ 1 (40) январь 2008

Над номером работали:
Марина Богомолова (редактор),
Тел. 57-53-06),
Андрей Фаисов (судоводитель),
Екатерина Лунина (корреспондент),
Павел Лепочкин (корреспондент).

Наш адрес: 248600, Калуга, ул. Набережная, д.4.
Телефоны: 56-27-00, 57-53-06
Ф. ч. выпущенный п. л. отпечатан в КТС
Тираж 2000 экз. Заказ № 3423

Газета зарегистрирована в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство ПИ № ФС-77-27828 от 12 апреля 2007г.

Просим газету не выбрасывать и не использовать в коммерческих целях. Ее можно отнести в ближайший храм или дать почитать другому.
Номер сверстан в редакции газеты.